

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Монография

Под общей редакцией О. А. Донских

Новосибирск
2021

Рецензенты:

В. С. Диев — д-р филос. наук, профессор,
директор Института философии и права НГУ;

М. В. Ромм — д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой философии НГТУ

Авторы:

д-р филос. наук, проф. О. А. Донских (§ 1.1); д-р филос. наук, проф.
О. В. Зиневич (§ 1.1); д-р филос. наук, проф. Б. О. Майер (§ 1.1);
д-р филос. наук, проф. В. В. Чешев (§ 1.2); д-р филос. наук, проф.
В. И. Разумов (§ 1.3); д-р юрид. наук, доцент Д. А. Савченко (§ 2.1);
канд. юрид. наук А. А. Макарецв (§ 2.2); канд. юрид. наук Э. С. Юсубов
(§ 2.2); канд. юрид. наук, доцент О. Н. Шерстобоев (§ 2.3); д-р филос.
наук, доцент Э. М. Думнова (§ 3.1); д-р филос. наук, доцент
Р. А. Заякина (§ 3.2); д-р филос. наук, доцент Е. А. Ерохина (§ 3.3);
канд. филос. наук, доцент Н. П. Суханова (§ 3.4)

Ф56 Философские и правовые основания современной цивилизации : монография / О. А. Донских, Б. О. Майер, В. В. Чешев [и др.] ; под общ. ред. О. А. Донских ; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. — Новосибирск : НГУЭУ, 2021. — 196 с.

ISBN 978-5-7014-1003-7

Исследование посвящено осмыслению как общих проблем, связанных с кризисной ситуацией новой социальной реальности, так и двух важнейших ее аспектов — трансформации правовой системы и проблем идентичности. Этим задачам отвечают три раздела монографии: в первом анализируются общеправовые вопросы современного общества, во втором — особенности изменений правовых институтов, в третьем — способы разрешения проблемы идентичности.

Книга обращена к тем, кого волнуют проблемы современной цивилизации и кто пытается понять важнейшие тенденции общественного развития.

ISBN 978-5-7014-1003-7

ББК 87

© Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ», 2021

появляется твердое основание для возникновения финансовой системы, которая способна контролировать все жизненные процессы. Идеология этой системы, двигаясь от вершины пирамиды к ее основанию, стала идеологией потребительского общества. И это индивидуализированное общество принуждает воспринимать данные ценности на личном уровне, и тем самым они стали определять духовную структуру каждой автономной личности. Итак, внутренняя свобода, гарантированная возрастающей зависимостью от государства, стремление к новому, понимаемое как гарантия стабильности, — это те противоречия, которые мы обнаруживаем в этой духовной структуре. Эта структура вполне допускает манипулирование извне и, соответственно, гарантирует лишь укрепление и омертвление существующей цивилизации.

§ 1.2. Трансформация общественного строя в условиях постиндустриальной революции

Изменения, претерпеваемые современными обществами, совершаются в условиях технического прогресса, принявшего в сравнении с промышленной революцией прошлого качественно новые характеристики. Марксистская теория — едва ли не единственная, претендующая до сего времени на роль фундаментальной историософской концепции, — связывала социальные изменения с прогрессом производительных сил, тем самым, с прогрессом техническим (технологическим). Однако современный технический прогресс оказался обращенным не только к человеку, создавая новые условия труда, новые условия комфорта и потребления. Он оказался обращенным на человека, изменяя его поведение, самосознание, его психический строй, его от-

ношение к самому себе и к обществу. В этом контексте стали более очевидными некоторые истины, пребывавшие на втором плане в марксистской теории, а именно роль культуры как самостоятельной детерминанты общественного развития и роль универсальных нравственных начал, конституирующих человека и человеческую жизнь на индивидуальном и общественном уровне. Действие всей совокупности факторов проявляется в социальной структуре общества, в жизни его «тела» и его сознания. Поэтому обращение к современным изменениям в обществе требует, как никогда в прошлом, системного видения суммы обстоятельств, действующих в его динамике. Мы обратимся лишь к некоторым явлениям, сопутствующим трансформации современного российского общества.

Смена общественного строя в постиндустриальный период. Общественные изменения совершаются индивидами и социальными группами, имеющими определенные мотивации и оправдывающие свои действия теми или иными соображениями. Однако в социальных действиях следует отличать, как полагал М. Вебер в своей понимающей социологии, «фактически объективную рациональную правильность» от «субъективно целерационального действия» [18, с. 502]. Мы оставим без внимания субъективные намерения, стимулировавшие активность участников «перестройки». Нас должно интересовать объективное значение социальных действий (объективно рациональная правильность), т. е. те смыслы, которые они обрели в реальных жизненных процессах. Их конечный результат, провозглашавшийся вначале как совершенствование системы советского социализма, предстал как коренное изменение общественных отношений, коренное изменение общественного строя. Поэтому важно оценить, как эти изменения социального и ментального плана вписываются в глобальные процессы трансформации общественной жизни в конце XX — начале XXI века.

Процесс приватизации и устранения планового хозяйства, проводившийся под лозунгом возвращения в рынок,

означал вхождение постсоветской России в капиталистическую систему хозяйства и, как следствие, воссоздание общественной системы капитализма на ее территории. Однако социальная оболочка капитализма, классический образ которой был представлен в марксизме XIX века, претерпела столь значительные качественные изменения, что фактически перестала существовать. В полном соответствии с марксистскими представлениями фундаментальную роль в этих изменениях сыграло развитие производительных сил, точнее, их физической составляющей. Технический прогресс всегда представляет собой системное целое, в границах которого изменение одного из элементов ведет к изменениям других элементов и в конечном счете к перестройке всей системы. В послевоенный период революционизирующим фактором технического прогресса оказались вычислительная техника и связь, т. е. техника обработки и передачи информации, записываемой двоичным кодом. Начало послевоенного технологического переворота, названного в дальнейшем третьей технологической волной, приходится на конец 1940-х и 1950-е годы. Тогда почти одновременно выходит ряд знаковых публикаций, отразивших направление технологической перестройки. Среди них теперь почти забытая книга Н. Винера [23], принципы построения общей теории систем Л. Берталанди [9], создание первых электронных вычислительных машин и фундаментально важное открытие (изобретение) транзистора (1948), с которого начался переход к микроэлектронике. В инженерии этот период отмечен развитием средств системного проектирования, подготовкой специалистов-системотехников, в отличие от «предметников» классической эпохи. Новая волна технического прогресса не могла не сопровождаться глубокими социальными изменениями, осмысление которых породило понятие «постиндустриализм», которым накрывались как технологические, так и все социально-структурные и иные трансформации западного общества.

Сложно обсуждать насколько этот процесс затронул сущность капитализма в отличие от его социальной оболоч-

ки, так как вопрос о самой этой «сущности» остается дискуссионным. Но несомненным является то, что новая волна технического прогресса ускорила и усилила процесс западной экспансии в форме так называемой глобализации. Процесс глобального объединения может осуществляться на разных основаниях. В данном случае одним из таких оснований стало технологическое развитие, которое само по себе целей глобализации не ставит, но может формировать средства, которые корректируют как цели, так и пути глобализации. Технологическая экспансия изначально была одним из средств освоения капитализмом других территорий и обществ, находящихся на этих территориях. В свое время О. Шпенглер, отдавший должное «фаустовскому духу» европейского промышленного общества, упрекал его в том, что оно несет технических прогресс другим народам, которые, освоив это техническое развитие, обратят его против западной цивилизации: «Но для цветных — а в их число входят и русские — фаустовская техника не является внутренней потребностью. Только фаустовский человек мыслит, чувствует и живет в этой форме. Ему она душевно необходима — не ее хозяйственные последствия, но ее победы... Для "цветного" она лишь оружие в борьбе с фаустовской цивилизацией, что-то вроде временки в лесу, которую оставляют, когда она выполнила свою роль» [139, с. 491–492].

Но промышленный запад не мог поступать иначе не только в силу неизбежности обмена технологическим опытом, сопровождающим историю человечества. Экспансия является необходимым условием экстенсивного роста капитализма. В данном случае под экстенсивным развитием понимается «поглощение» новых территорий и ресурсов, их освоение системой капитализма по мере ее превращения в глобальную. Сам по себе вывоз производства, в том числе и высокотехнологичного, на другие территории не является угрожающим, вопреки опасениям О. Шпенглера, если ключи от него сохраняются в метрополии. Технологический контроль сохраняется за счет владения ключевыми средствами технологического процесса. Этот принцип действовал еще

во времена цехового ремесленного производства, при котором ключевой операцией владел мастер, сохранявший тем самым контроль над производством в целом. В условиях постиндустриальной технологической революции таким «контролирующим средством» стали средства управления, действие которых основано на процессах цифровой обработки и передачи информации.

Технологическая информационная революция не сводится к применению цифровых технологий управления и средств микроэлектроники как элементной базы названных технологий. Она имеет системный характер, в соответствии с которым претерпели качественное изменение все остальные составляющие техносферы, например машиностроительная техника, средства сельскохозяйственного производства, сложная бытовая техника, качественно изменились характеристики вооружения и т. д. Важно, что весь комплекс технологических достижений постиндустриализма требует названных ранее средств управления и вне применения последних превращается в дорогой, но безжизненный хлам. Исключительная роль новых средств управления сознавалась с первой стадии их современного развития, когда в США, в Европе и в СССР появились первые электронно-вычислительные машины и развитие технологий управления стало необходимым для защиты собственного «технологического суверенитета». С одной стороны, СССР не мог не принять этот технологический вызов, порожденный техническим прогрессом. С другой — в условиях строгой централизации власти стратегия освоения цифровых технологий в СССР зависела от принципиальных политических решений. Требовалась мобилизация внутренних ресурсов для создания фундаментальных технологических средств постиндустриализма. Однако в начале 70-х годов прошлого века в СССР было принято решение об отказе от развития собственной системы вычислительно-управляющих средств ради перехода к копированию американских электронных машин серии ЕС. Это было одно из частных, но существенно важных решений, породивших в последующем отставание

СССР в развитии и применении цифровых технологий, что отразилось и отражается сегодня на технологическом и экономическом состоянии общества. В России при перестроечном переформатировании общественных отношений центральную роль стали играть вопросы создания управленческих и финансовых средств «рыночной экономики», в то время как проблемы стратегии технологического развития не актуализировались и решались, скорее всего, ситуативно, т. е. на уровне решения конкретных вопросов оборонной стратегии. Однако же проблема будущих трансформаций общественной жизни неотделима от совершающегося трансформирования техносферы на локальном и глобальном уровнях. Взаимопроникновение техносферных и социально-антропологических факторов стало настолько органичным, что выработка самостоятельной стратегии технологического развития становится неотъемлемым фактором как общенациональной, так и глобальной стратегии развития. Проблемы, обсуждавшиеся в прошлом в рамках «философии техники», соединяются с вопросами историософии, философской антропологии, социальной теории во всех ее проявлениях.

Общественные трансформации и общественное сознание. Выстраивание и использование глобальной техносферы не единственная актуальная проблема, решаемая сегодня в ходе общественного развития. Человеческие сообщества, в отличие от сообществ биологических, являются «ментально организованными». Здесь имеется в виду, что системная организация общества изначально в силу своей социогенетической природы опирается на смысловые регуляторы поведения социальных субъектов, иначе говоря, имеет внутри себя культурное программирование поведения и деятельности своих субъектов. Эти «культурновидовые» программы многообразны, они обеспечивают социально-культурное различие и дают основания для идентификации тех или иных сообществ. В контексте таких программ формируются ответы как на фундаментально-исторические, так и на конкретные задачи, возникающие в

жизни общества. Концепция мультикультурализма была одной из попыток решения «ментального вопроса» в ходе глобализации, но ее реализация столкнулась с уже известным фактом существования культурного архетипа, культурного ядра, культурного типа и т. п., обуславливающего культурную и ментальную сплоченность социальных групп. На определенном этапе глобализационного процесса обострилась проблема культурной самоидентификации, вне которой теряются мотивационные установки, поддерживающие социальную жизнь. В политическом плане эта проблема обнаруживается как вопрос о существовании национальных государств в рамках текущего процесса глобализации либо же об их полном исчезновении в глобальном сверхобществе. Для России эта «ментальная» проблема оказалась особенно острой в контексте совершившегося социального переворота в конце XX века. Особенность современной ситуации в том, что проблема сохранения культурно-исторической идентичности должна решаться в условиях, когда глобализационный процесс, осуществляемый по западному сценарию, требует выстраивания искусственной культурной идентичности потребительского общества, порывающей с традициями прошлого и принимающей форму маргинальной массовой культуры. Информационно-технологический прогресс и формирование универсальной культуры потребления создают средства для движения по этому пути. Однако возникает вопрос, возможен ли в принципе этот путь, насколько он соответствует культурно-исторической природе человека.

В культурной антропологии обсуждаемая проблема отражена вопросом о культурных универсалиях, свойственных всему многообразию человеческих сообществ. Если такие универсалии существуют, то они должны создавать ментальную основу глобального человечества. На фоне неомыслимого культурно-антропологического многообразия утвердительное решение поставленного вопроса кажется маловероятным. Но тогда столь же маловероятным становится и достижение какой-либо формы «человеческого кон-

сенсуса» в глобальном человечестве. Однако история указывает на прецеденты больших объединений, основанных на принятии тех или иных ментальных установок, оказывающихся «поверх» этнокультурных многообразий и приводящих разные сообщества к некоторому единству. Речь идет, в частности, о цивилизационных началах, разделяющих, например, Восток и Запад, но по-своему объединяющих народы этих разных миров. Характерный пример воззрения, перешагивающего через этническое многообразие к осознанию всечеловеческого единства, дает христианство, как, впрочем, и другие мировые конфессии. Всякая конфессия имеет свою догматику, выработка которой может сопровождаться ожесточенными разногласиями. Их наличие свидетельствует о том, что с той или иной догматикой соединено поведение субъектов, и спор о догмах означает различные подходы к поведению внутри конфессии, так и в ряде случаев — вне ее. Объединительным же конфессиональным началом являются этические принципы, заключенные в содержании веры и в культурной доминанте цивилизационного сознания. Они определяют общее всем представление о смысле жизни и ее конечных целях, в частности через постановку и решение проблемы спасения. Общая всем народам вера означала бы на практике принятие общего этоса (общих принципов морального поведения), осуществляемого, однако, в условиях неограниченного культурного многообразия. Отвлекаясь от обсуждения практических вариантов реализации такого «единства», мы вправе рассмотреть вопрос о том, насколько оно принципиально возможно и, более того, является ли оно необходимым и даже неизбежным в истории человечества.

Моральное сознание, обнаруживаемое конкретно как следование тем или иным нравственным канонам, складывающимся в культуре, принято считать фундаментальным характерным свойством человека, отличающим его от животных. Философия всегда стремилась к определению всеобщих и универсальных характеристик морали, не связывая природу этих свойств с теми или иными особенностями

культуры. При этом мораль рассматривалась (по большей части по умолчанию) как неотъемлемая составляющая индивидуального поведения. Ее природа могла толковаться различным образом, при этом в общественном сознании могла идти речь о нравственном состоянии общества и т. п., хотя при этом моральное состояние общественной среды оценивалось по преобладанию в ней индивидов с той или иной степенью нравственного сознания. Возникает вопрос, оказывает ли «объективное строение общественности» (В.С. Соловьев) влияние на нравственное состояние индивидов, как и наоборот? В целом же это вопрос о роли нравственных начал в объективном строении и жизни общества: можно ли и должно ли соотносить как технологический прогресс, так и выстраиваемые общественные отношения с нравственными началами всечеловеческого плана, роль которых, как представляется автору, обнаруживает себя кричащим образом в ходе нынешних общественных преобразований. Должны ли нравственные начала (и какие именно) быть ориентиром для общественных преобразований? В контексте хозяйственной этики капитализма («ничего личного, просто бизнес») вопрос о нравственности в общественных отношениях может показаться «разговором для бедных». Однако противопоставление «естественных прав» и традиционной морали, принявшее односторонний характер в общественной жизни развитых стран, указывает на то, что практика сохранения или, наоборот, реформирования общества явным образом натывается на проблему человеческой морали. В этой связи утверждение Ф. М. Достоевского «основание всему — начала нравственные» теряет характер благодушного пожелания человечеству и становится принципиальным вопросом обществоведческого анализа.

Для краткого, хотя и принципиального, решения вопроса о роли нравственных начал в истории общества необходимо обратиться к реальной истории общества, к его становлению, т. е. к социогенезу или, более широко, к антропо-социогенезу. Эволюционный подход к происхождению человеческого общества предполагает, что началом этого

процесса стал переход гоминидных сообществ к новому способу существования, основанному на использовании предметных средств деятельности, этих своеобразных посредников между становящимся человеком и природной средой. Проще сказать, становление предметной деятельности как эволюционно новой формы активности, освоенной сообществами гоминид, становится начальной стадией социогенеза [132, с. 46–62]. С одной стороны, предметная деятельность сама по себе лишь средство решения вопроса о воспроизводстве материальных условий жизни сообществ, вставших на деятельный путь развития. Она не определяет ни целей, ни смысла жизни, ни мотивации к совершению актов деятельности. С другой стороны, деятельные процедуры стали частью жизненного процесса, который в живом мире совершаются через определенным образом мотивированное поведение живых организмов. Но если в мире животных поведение организуется видовыми программами, транслируемыми биогенетически, то в становящемся человеческом обществе по мере того, как общественно организованная целерациональная деятельность становится основным средством поддержания материальных условий его жизни, организация поведения и формирование мотиваций особи (индивида) не может полагаться на видовые генетические программы. Формируются новые символические средства регуляции поведения, в системной организации которых записано (закодировано) смысловое содержание культуры. На индивидуальном уровне восприятие и трансляции этих средств обеспечивается развивающейся психикой человека. В процессе становления культурных (искусственных) форм поведения совершается становление поведенческих принципов, которые явят себя как нравственность человека. Это очевидно уже потому, что на биологическом уровне жизни нет нравственности и законов морали. В лучшем случае есть популяционная или видовая солидарность, программируемая биологически. В сфере культуры вырастает нравственное чувство как средство консолидации культурно-биологического вида «человек». В антропогенезе опорой

нравственности явилось чувство, а не рациональный расчет, и в этом контексте все меркантилистские обоснования морали никакого отношения к ее природе не имеют.

Нравственные начала в ходе своего становления регулируют отношения людей друг с другом. Они не могут регламентировать «объективное строение общественности», иначе говоря, сами по себе они не определяют социальной структуры общества. Формирование последней обусловливается другими обстоятельствами, в частности организацией хозяйственной деятельности в обществе, процессами самоорганизации и управления, воспроизводством и трансляцией культуры как средства организации общества и т. п. Но в каждой общественной структуре с необходимостью воспроизводятся поведенческие программы, определяющие рамки межличностных человеческих отношений. «Все мы люди» — так может быть выражена суть этих программ, и наши взаимоотношения в обществе не должны переходить внятно очерченные границы неких «внутривидовых» отношений человека к человеку. На этом основании можно определить нравственность как «культурно-видовые» поведенческие принципы, обеспечивающие внутривидовую солидарность вида «человек» на культурно-исторической стадии его существования. Нарушение этих принципов ведет к внутривидовой борьбе на уничтожение. Победа человеческой нравственности означает в таком случае сохранение и продолжение сформировавшей разумно-культурной жизни на Земле, победа же сил противоположных, заявляющих подчас, что они находятся по ту сторону добра и зла, открывает путь к потере эволюционных преимуществ человека и в конечном счете к умиранию человечества. Общество, идущее к гибели, начинает этот путь с попрания нравственных начал. Фундаментальный исторический пример такого процесса дает история Римской империи с ее падением нравов на поздней стадии существования.

Осознание сущности и роли нравственных начал в жизни человека и общества происходит в рамках учения о морали, присутствующего в любом религиозном воззрении и

ставшем в рамках философии теоретическим осмыслением происхождения и проявления названных выше поведенческих принципов. Если принципы морали являются эволюционными средствами консолидации культурно-биологического вида «человек», то с необходимостью возникает вопрос о роли нравственных начал в социальной истории человечества. С одной стороны, как уже отмечено, общественные структуры не вытекают из учения о морали. С другой стороны, отношения внутри этих структур не могут быть амбивалентны к нравственным началам жизни. В таком случае рано или поздно в общественном развитии должен быть поставлен вопрос об ответственности общества за нравственные основания жизни. Эту проблему обсуждает, в частности, В. С. Соловьев в книге «Оправдание Добра». Философ выступает против так называемого «отвлеченного субъективизма в нравственности», т. е. против представления о том, что нравственное воспитание должно ограничиться направленностью на индивида, как это, например, имело место в религиозной христианской проповеди. Сугубо индивидуальный нравственный прогресс, как полагал философ, недостаточен для нравственного прогресса общества. В качестве исторического примера он указывает на гомеровского героя, возвратившегося в родную Итаку. Одиссей, постоянно и чувствительно проливающий слезы по своему Отечеству, родному дому, жене и сыну, устраивает дома чудовищную расправу над женихами, сватавшимися к Пенелопе и бесчинствовавшими в доме, над служанками и старым слугой. Эта расправа, немыслимая в моральных представлениях XIX века, никак не осуждается ни греческим поэтом, ни общественным мнением той эпохи. Причину такого положения В. С. Соловьев видит в том, что добрые чувства античного героя, о которых рассказывает Гомер, не были закреплены в правилах и принципах, которые общество накладывает на самое себя. Общество, по мнению философа, должно быть «собирательным органом делания добра». Если же общественная среда не является нравственно организованной, то этим понижается и уровень нравственного

чувства отдельных индивидов, совершающих социальные действия в этой среде: «Начало совершенного добра... требует, чтобы человеческое общество становилось организованною нравственностью. Опыт с полной очевидностью показывает, что когда общественная среда не организована нравственно, то и субъективные требования добра от себя и от других неизбежно понижаются» [100, с. 339].

В аграрно-феодальном обществе проблема нравственных начал решалась религиозным сознанием. В условиях сословной стабильности вера создавала атмосферу общественного консенсуса в вопросах морали, принимаемого всеми сословиями. Новая ситуация возникает в условиях промышленной и постиндустриальной стадий развития. С одной стороны, в новых условиях религия и церковь утратили прежнюю общественную роль, они были потеснены светским сознанием, в частности его научным рационализмом. С другой стороны, к обострению и обсуждению этой проблемы привело формирование и нарастающее доминирование массовой культуры и массового человека промышленного общества. Негативные стороны этого процесса были резко усилены в так называемый «постпромышленный» период с его взрывным развитием средств массовой коммуникации. Масштабное развитие по сути анонимного сетевого общения, в котором оказывается излишним личностное начало, развитие этих средств в коммерческих и политических целях резко снизило культурно-нравственный порог межличностных коммуникаций. Как продолжение тенденция обезличивания стала естественным образом возникать мысль о трансгуманизме, т. е. о своеобразном синтезе человека и машины, изменяющем природу человека даже на биологическом уровне. На этой стадии должен возникать вопрос о внутренних нравственно-поведенческих обстоятельствах в развитии общества, способствующих названной негативной тенденции.

В свое время В. Зомбарт и М. Вебер поставили вопрос о «духе капитализма» и каждый дал ему свое описание. М. Вебер сделал предметом исследования роль протестантской

этики в формировании названного духа. Нам здесь важно другое, а именно завоевание «духом капитализма» европейского общества, вступившего в промышленно-капиталистическую фазу. Это завоевание заключалось в том, что обществом овладела хозяйственная этика капитализма, суть которой определена целью хозяйствующего субъекта — максимизацией наживы на пути использования «мирных» средств товарного обмена. Если протестантская этика перенесла представление о христианской добродетели в сферу материального успеха, то светская философия по своему укрепила этику эгоизма в европейском промышленном обществе, создав учение о человеке как самодостаточном эгоисте, стремящемся к максимизации удовольствия и минимизации страданий. В практике общественных отношений это означало принятие обществом стремления к максимизации материальных приобретений как основного жизненного принципа человека. В целом общество согласилось с этикой индивида-эгоиста, вступающего в общественную жизнь с целью достижения максимального успеха. Всеобщее принятие этой этической установки в сочетании с безусловным принятием концепции самодостаточного индивида создало предпосылки для ментальной и социальной устойчивости западного общества.

В этом контексте можно дать ответ на вопрос об изменениях, которые претерпел капитализм в условиях новой технологической волны. При всех трансформациях социально-экономических и общественно-политических структур, обусловленных в решающей степени технологическим прогрессом, осталась неизменной этическая основа обществ, возникавшего в период буржуазных революций в Европе. Этим обстоятельством обусловлены многие проблемы современной общественной жизни, в том числе в сфере общественного сознания, которое вынуждено выстраивать новые философии, поддерживающие в новых условиях антропологию индивидуализма и ее этику. Проблема нравственных начал, доминирующих в общественных отношениях, должна быть осознана не только как проблема куль-

турная, обращенная к индивидам, но и как проблема социальная, как проблема общественно-политическая, как обостряющаяся проблема формирования общественных отношений, способствующих воспроизводству «всечеловеческой этики», т. е. этики, возвращающей человека к его «родовой сущности», точнее сказать, к его культурно-видовой сущности, обеспечивающей его внутривидовую консолидацию, внутривидовую солидарность. Общественно-историческая значимость этических принципов в организации общественных отношений, ставшая столь острой в условиях глобализации, не означает, что общество должно создавать «полицию нравов», контролирующую поведение индивидов. Нравственность человека не может быть следствием принуждения, она предполагает свободный выбор, превращающий ее во внутренний комплекс переживаний, организующий действия внешние. Проблема может быть решена только через формирование личности, ее сознания и ее сознательно-волевых способностей. Разумеется, такая задача решается только в рамках определенных общественных отношений, формируемых в обществе. При этом упования на религиозное сознание едва ли могут оправдаться в современных условиях. Во-первых, промышленное и постиндустриальное общество опираются на светское сознание, укрепившееся с приходом научного метода в познание природы, в познание человека и общества. Во-вторых, для современного общества характерна более высокая подвижность социальных структур в отличие от феодального общества прошлого. Как уже отмечено, в условиях высокой структурной стабильности религия предлагала всем социальным группам этический консенсус, обращаясь к сознанию индивидов, входящих в эти группы. При этих условиях церковь могла быть авторитетным посредником. В обществе же массового потребления авторитет супермаркета оказывается выше авторитета церкви в силу образа жизни этого общества. Чтобы сделать религиозным человека массового потребления нужно устранить противодействие религиозному идеалу, т. е., образно говоря, прогнать менял из

храма. Но прогнать их во им веры невозможно, для этого нужно фундаментально изменить образ жизни всего общества, а это задача не церковная. Конечно, христианство может произнести: отдавайте богу богово, кесарю — кесарево. Но эта заповедь теряет свою актуальность в обществе, в котором смысл жизни добывание «кесарева».

Элита и общество в переходный период. Направление современных преобразовательных процессов и используемые в их ходе средства решающим образом зависят от ментального выбора и практических действий сил, совершающих или способных совершать те или иные общественные изменения. Это вопрос о современных элитах, их взаимоотношении с обществом как целым, их способности определять генеральные цели общественной жизни. Речь должна идти не только о политической элите, действия которой в той или иной форме предъявляются обществу и на которые в той или иной форме запрашивается согласие общества, легитимирующее решения политической элиты. Вопрос касается элиты в широком смысле слова, т. е. тех организованных формально и неформально социальных групп, которые вовлечены в процессы управления, формирования общественного мнения, трансляции культуры, осуществления научно-технического прогресса и т. п. Ядром (или системообразующим началом) для формирования элитарных групп в промышленном обществе Запада, т. е. в обществе капиталистическом, стали новые собственники новых средств общественного производства, сменившие феодальную аристократию аграрного прошлого. Победа новой социальной иерархии, как полагал Ф. Бродель, составляет сущность того социального переворота, который осуществили буржуазные революции в Европе. Этот переворот принес не только новых собственников и новые принципы организации производства с его «духом капитализма», но привел также к формированию всех необходимых обществу социальных групп, обеспечивающих воспроизводство новой общественной организации. Можно утверждать, что такие группы в своем

иерархическом взаимодействии составили новый элитарный слой буржуазного общества.

Одной из важнейших задач революционно-буржуазного преобразования было утверждение новых ценностей, поддерживающих «общество модерна». Этот процесс не мог совершаться директивно путем прямого политического решения властной элиты, он происходил постепенно в ходе того, как утверждалось новое общество, естественным путем вербующее в свои ряды новых мыслителей, идеологов, писателей и т. п. Важно, что ценностная ориентация новой интеллектуальной элиты совершалась на пути своеобразного синтеза ценностей Просвещения и корпоративно-эгоистического «духа капитализма», овладевавшего обществом. Однако энтузиазм обновления рано или поздно утихает, и на его место приходит повседневность, питаемая соответствующими мыслями, чувствами, неким размеренным образом жизни. Поскольку материальный фактор стал доминирующим и для смысловой организации жизни, то он в весьма многообразных формах отразился в сознании разных слоев общества. На уровне городского обывателя он мог явить себя в форме крайнего утилитаризма, поразившего А. И. Герцена уже в первый год его эмиграции. Рождалось общество, в котором социальная значимость людей определялась уровнем потребления, а конкретные жизненные задачи — желанием занять по возможности более высокое место в этой потребительской иерархии. Происходит омасовление общества, фиксированное в философской рефлексии Х. Ортегой-и-Гассетом в лишь в первой половине XX века. Этот тренд отразился на европейском искусстве, которое еще долго не могло забыть ценности эпохи Просвещения, а именно обращенность к личности, ее переживаниям, ее внутреннему смыслу жизни. Поскольку эта форма европейского гуманизма уходила в прошлое, то некоторыми русскими мыслителями, вступавшими на путь поиска высших смыслов личной и общественной жизни, Европа была названа «кладбищем милых сердцу покойников». Другими словами, общество промышленного капитализма попадает

под власть мамоны, и эту власть оно принимает в своем большинстве как естественное состояние, соответствующее природе человека. И поскольку вопрос о природе человека как эгоиста, сражающегося в ограниченном правом поле за свой комфорт и максимизацию собственных удовольствий, решен окончательно, то массовое общество будет соглашаться со всеми действиями, которые лежат в рамках названных представлений. Внутренняя борьба в обществе, как борьба за частичное перераспределение потребительских возможностей, сама по себе не может быть направлена против оснований этого общества, тем более оснований ментальных, закрепленных в его мироощущении и миропонимании. Более того, промышленно-потребительское общество Запада активно втягивало в свое жизненное поле другие общественные структуры, «перерабатывая» и встраивая их в свое пространство в целях поддержания собственного существования.

Марксизм в лице своих основателей указывал на неизбежность формирования транснационального капитализма и транснациональной буржуазии. Этот процесс привел к появлению транснациональных элит, которые в современных условиях ставят под свой контроль очередную волну технического прогресса. Для сохранения своего доминирующего положения и своих претензий на власть, превращаемую в господство над обществом, они должны поддерживать и развивать общественную систему, в рамках которой возможно решение этой задачи. Одним из условий достижения цели является конструирование смыслового ядра, по отношению к которому явочным порядком достигнуто общественное согласие. Названная задача, в свою очередь, может быть решена, если общество уже скрепляет определенное смысловое ядро. На этом пути возникает внутреннее противоречие, разрешение которого в интересах властвующей элиты требует отказа от ценностей модерна, т. е. от того набора ценностей, который обеспечивал становление общества модерна. Важнейшей среди них было просвещение, обращенное к личности, способствующее, так или иначе, ее

развитию и созданию условия уважения к личности и ее правам в рамках тех возможностей, которые содержало в себе западное промышленное общество в период его становления. Их основание составляли традиционные христианские ценности, включая ценности христианской семьи, хотя уже К. Маркс указывал на размывание этих ценностей неумеренной погоней за максимизацией прибыли, иначе говоря, размывание традиционных ценностей духом капитализма. Вхождение в постиндустриальную стадию с набором традиционных христианских ценностей требовало либо трансформации сознания глобальных элит, сопровождающейся ограничением их претензий на господство, либо трансформации общества и общественного сознания, обеспечивающей поддержание альтернативного проекта. Развитие системы посткапитализма (постиндустриализма) вступило в противоречие с развитием человеческой личности, оно потребовало отказа от такого развития в пользу формирования «потребительского стада», для которого вопрос о смысле существования решен доступом к набору стандартных потребительских удовольствий. Технический прогресс и прежде всего информационная революция, опирающаяся на информационные технологии и средства микроэлектроники, позволяющие подключить каждого индивида к глобальной информационно сети, стали в числе прочего средствами решения этой задачи. В сфере сознания этой стадии предшествовала атака философского постмодерна на традиционные ценности и традиционную личность, утверждающая образ человека, теряющего всякую связь с солидарным человечеством и остающегося в сети собственных вожделений.

В этих условиях возникает вопрос о роли России в совершающихся глобальных системных трансформациях. Фундаментальный вопрос, на который в той или иной форме общество должно дать себе ответ, касается смыслового ядра, которым оно руководствует. Речь прежде всего идет об этосе, наполняющем это ядро. Еще старшими славянофилами был поставлен вопрос о специфике культурного ядра

России, в частности принципиальный вопрос об общинном сознании и общинной этике, явившими себя в числе прочего в русском православии. А. С. Хомяков — «учитель церкви», по мнению Ю. Ф. Самарина, — указал в свое время на недостаток общинной этики русского христианства. Принятая на обрядовом уровне, она не выработала рациональных форм сознания, ясным образом высвечивающих ее догматические основания: «Шаткость и непоследовательность, беспрестанное искажение и одичание права уголовного и отчасти гражданского, наконец, расколы и последовавшее за ними отпадение от древних и истинных начал, свидетельствуют об отсутствии логического определения понятий. Оно выдается с особенною яркостью именно в появлении старообрядческих расколов» [130, с. 255]. Эта изначальная слабость явила себя в русской истории тем, что самоидентифицирующая практика русской жизни, явившая себя в культуре и обрядовой стороне православия, не получила форм идентифицирующего самосознания на уровне разума, на языке философии и собственного общественнознания. Собственный культурный архетип воспроизводился укладом жизни русского общества, прежде всего общинным сознанием русского крестьянства. Однако он не был зафиксирован в рациональных формах сознания, необходимых для образовательного процесса и формирования собственной цивилизационной элиты. В XIX веке в культуре общества стала ощущаться потребность философского оформления феномена общинного (соборного) сознания, особенностей личностного сознания при общинном укладе жизни, в конечном счете, теоретического осознания особенностей личности в обществе, в котором доминирует солидаристская этика. Это было, наряду с другими социальными детерминантами, причиной непреодоленного ментального разрыва между элитой и народной массой. Культурный интеллектуальный слой, возникавший по мере подготовки перехода феодально-аграрной России в промышленное общество, ориентировался на европейские представления, привнося на русскую почву проблемы и концепции, не адекватные ее природе. Стадия ускоренной

промышленной модернизации, осуществленной в советский период, опиралась ментально на архетипы общинной солидаристской этики, исповедуя при этом марксистский вариант идеологии пролетарского интернационализма. Ментальный разрыв элиты и народного сознания, несущего в себе русский культурный архетип, не был преодолен, хотя социальное устройство советского периода давало шанс на исправление ситуации. В результате осуществился предсказанный Н. А. Бердяевым ход событий, при котором советская элита, лишенная цивилизационного самосознания и не способная к мировоззренческой перестройке, предпочла реставрацию капитализма. И поскольку этот процесс был сведен к идее возвращения в мировую цивилизацию в форме вхождения в Европу и был полностью лишен теоретического и стратегического осмысления, то он одновременно представлял собой полную интеллектуальную капитуляцию элиты, лишенную даже провозглашенной однажды утопической идеи строительства «гуляш-коммунизма». Эта капитуляция отчасти оправдывается убеждением в том, что Россия и Европа представляют собой единое культурное пространство и, таким образом, имеют базовое основание для своего объединения. В этих условиях политической элите остается уповать на государственнический патриотизм, который, однако, не может не истощаться в условиях доминирования идеологии консьюмеризма. Собственно, драматическая сторона участия России в развернувшейся глобальной стадии постиндустриального развития обусловлена отказом элиты от собственного культурного архетипа, дающего опору для противодействия разрушению личности, сохранению оснований солидаристской всечеловеческой этики, о необходимости которой сказано выше. Свою историческую роль она может выполнить, только возвратившись к опоре на собственную цивилизационную ментальность, создавая адекватное ей обществоведение и, быть может, исполняя давнюю мечту кружка любомудров, полагавших, что Россия может и должна создать собственную философию.

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Монография

Под общ. ред. О. А. Донских

Корректор *Н. С. Желудкова*
Компьютерная верстка *Ю. И. Носыревой*
Дизайн обложки *А. Ю. Болдиной*

Подписано в печать 02.06.2021 Гарнитура Cambria
Формат 60х84 1/16. Усл. п. л. 11,39. Тираж 500 экз.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56